

ных слов арабского или производного от него происхождения. Возьмем оценить этот объем в примерно 30–40 % (с учетом частотности употребления в традиционной или близкой к традиционной среде). Подобный сюжет достоин отдельного исследования и в какой-то мере явился одним из направлений усилий в ходе моей этнографо-лингвистической экспедиции в Мали в 1996–1997 гг., в ходе которой моим спутником был А.А. Маслов [Арсеньев 1998б]. Причем следует оговорить, что оценка должна учитывать традиционно воспроизводимые сюжеты общения. В то время как языковая среда вокруг упомянутой экспедиции естественно реагировала на поднимаемые исследователем темы общения, подстраивалась под них, тем самым активируя сферы культуры и блоки лексики, часто лежащие за рамками обыденности и повседневности.

Тем не менее возникает необходимость указать и на то, что помимо собственно лексики арабские, да, впрочем, в последующем (в колониальную и постколониальную эпохи) и французские, и английские, и прочие инновации могли проникать (либо воздействовать в качестве своеобразного катализатора для способов мышления и средств его выражения) и на синтагматический или даже морфологический (морфемный) уровни. Так, скажем, могли активироваться словообразовательные конструкции абстрактного характера при помощи форманта (суффикса) «йа». Увеличение числа таких абстракций, выражающих качество, состояние, типы, чрезвычайно удобно и даже необходимо для обращений с европейских языковых и культурных стереотипов к бамбарским, для переводов соответствующих кодов. Но оно крайне слабо отражает реальную внутреннюю культурную и языковую тягу к оперированию абстракциями, отвлечениями, понятиями. Собственный «срез» или «круг реализации» языка более предметен, более конкретен, но от этого и более образен, поэтичен, метафоричен.

Коды языка и коды знаковой определенности

Известно, что лингвистами язык бамбара определяется как аналитический [Поздняков 1990: 283]. Известно также, что есть проблема типологических несоответствий и недоразумений, возникающих при попытке увязать в едином ряду взаимной обусловленности язык и мышление. Особенно сложной становится терминологическая сторона, когда и «язык», и «мышление» вынужденно в силу традиций науки должны обозначаться терминами-антиподами. Для бамбара соот-

ветственно это «аналитический язык» и «синтетическое мышление». Возможно, для типологизации здесь нет противоречия по форме, но, полагая, есть проблема по существу. Позитивистская логика отделила (или «развела») «язык» и «мышление», однако императив целостного видения проблем отражения предполагает постановку вопроса соответствия формы и содержания. Этот закон должен быть сформулирован и должен соблюдаться в познавательном процессе. Он вытекает из системного видения реальности, из качественной определенности всей системы существования бамбара, включая и отражение, как системы «архаической». Впрочем, лингвисты весьма мало заинтересованы в подобном диалоге, необходимом для давно назревшего выяснения отношений.

Возможно, разгадка противоречия кроется в том, что мышление бамбара строится не на оперировании «понятиями», которые лингвисты ложно обнаруживают в «словах» (лексемах, морфемах), а на «образах», их рядах, свободных ассоциациях. Это, в частности, может подвести к предположению, что базовыми единицами собственно «речи» выступают синтагмы, а то и парадигмы, достаточные для идентификации соответствующего образа. Подобный взгляд должен был бы предопределить серьезный пересмотр лингвистической типологизации на принципах не «разведенности», а единства языка и мышления.

В пользу такого предположения говорит, в частности, специфический ритмический и мелодический строй речи. Подчиняясь ему, грамматика исключает пространные, протяженные по периодам построения, ограничивает возможности ввода придаточных, сложносочиненных и сложноподчиненных конструкций. Вернее, они по имеющимся средствам возможны как реальность, но реальностью не являются из-за действия иных стереотипов мышления и его оформления средствами языка. Вообще каузальность при наличии, с нашей точки зрения, формальных средств, при возможности «облечь» подобные построения языковыми средствами бамбара встречается в весьма условной форме в бытовой и фольклорной речи — опять же скорее как ассоциативные ряды и потоки, чем как императивно предопределенные следствия.

Мелодика речи созвучна ритмическому и эмоциональному строю жизни. Она обладает волновой характеристикой — плавной, растяжной амплитуды, мягких успокаивающих обертонов. Эта речь как бы убаюкивает, передает не только вербализованную информацию, но и побудительные импульсы настроиться в унисон, на взаимодействие,

совпадение, на резонанс. В этом можно усмотреть психологическую установку на взаимодействие, на включение средствами своего рода «сверхречи», «сверхязыка», воздействием на бессознательном и под-сознательном уровнях в процессе коммуникации в единую систему существования — «общество», «коллектив». В каком-то смысле можно утверждать, что это один из кодов установления «родства», «целостного взаимодействия» через общие ритмические коды.

Это система образного взаимодействия, и в случае языковых реалий действует она прежде всего в сфере образов акустического характера наряду с музыкой. В наиболее последовательной форме полнота акустического взаимодействия прослеживается в песенном и эпическом жанрах фольклора. Но и без музыкального сопровождения (инструментального и вокального/«а капелла») бытовая речь обладает высокой степенью ритмичности, мелодичности, звонкости, распевности, подчиненности целой системе смысловых (эксплицитных, рациональных) и психологических (эмоциональных, жизненно достоверных) ритмов разного уровня в их согласии, концерте, взаимодействии и взаимодополнении. В конечном счете, это ритмы самой природы, ибо бамбара именно с этими ритмами и соотнобразуют свою жизнь. Образная же определенность воспроизведения этих ритмов охватывает всю систему отражения: вербализованные и невербализованные, акустически или зрительно оформленные (и — нет) картины мира.

Звуковые средства фасцинации в ритуалах бамбара (по полевым материалам 1990-х годов, Мали)

Образ жизни и мышления бамбара предполагает их глубинную и неразрывную зависимость от естественных природных процессов, состояние симбиоза со средой, постоянное и непреложное согласование индивидуального и массового поведения со всем тем, что эту среду составляет [Арсеньев 2000: 18–22, 97–111]. В этом смысле можно сказать, что средства коммуникации, передачи информации, в том числе акустические, представляют весьма интересную сферу для исследований, многие из которых пока не начинались и даже не замышлялись. Ведь во многом эти «средства коммуникации» и делают возможным «пребывание общества в природе», обеспечивают их настрой, а равно и делают общество «обществом», организационно и информационно оформленной ассоциацией, «социумом».

Собственно, окружающий людей мир, который существует сам по себе, безотносительно к людям, имеет сонорную составляющую, дан-